

*Елизавета Костанди
(Тарту, Эстония)*

РУССКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОЙ ЭСТОНИИ: ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ, ИЗУЧЕНИЕ, СПЕЦИФИКА

Обобщаются наблюдения разных авторов за современным состоянием русского языка в Эстонии, обозначаются намечающиеся направления дальнейших исследований, характеризуются сферы употребления русского языка и особенности языковой политики. Специфика речи диаспоры описывается с точки зрения слов и словосочетаний, грамматических показателей, языковой рефлексии, времени, места, особенностей речевых практик, оценки; рассматривается влияние речевой ситуации на глубинные психологические, ценностные, когнитивные пласты языковой личности.

Ключевые слова: русский язык, социолингвистика, языковая политика, язык диаспоры, языковые контакты.

Как известно, один из детально исследуемых сегодня аспектов бытования русского языка — это его функционирование в условиях диаспоры, приведшее к появлению специфики в русской речи жителей Латвии, Армении, Казахстана и других стран постсоветского пространства и так называемого дальнего зарубежья. Возникновение в начале 1990-х годов множества новых реалий политического, экономического, социального, технического и иного характера, имеющих свои особенности в разных странах, неизбежно привело к изменениям и большей вариативности языка. Описание местной специфики в тот период стало основной задачей исследователей языка диаспоры, что и делалось в отдельных, часто не связанных друг с другом работах. Однако к концу десятилетия на-

зрела необходимость систематизации накопленных наблюдений и объединения усилий исследователей, занимающихся изучением русского языка в разных странах. Сформировались исследовательские группы, регулярно проводятся конференции, издаются сборники, посвященные русскому языку в условиях диаспоры, в частности в Эстонии. Так, для Балтийского региона своеобразной вехой стала прошедшая в 1997 году в Тартуском университете первая общая конференция, посвященная языку диаспоры, которую продолжили год спустя в Вильнюсском, а затем в Латвийском университетах. По результатам этих конференций вышли сборники статей [34; 41], авторы которых анализировали отдельные аспекты или ставили более общие цели [5; 24; 37] изучения языка в условиях диаспоры. В дальнейшем сотрудничество, к которому подключились представители многих стран, в том числе и России, переросло в постоянное [34; 35; 43]. Сейчас можно говорить о новом этапе исследований. Период фиксации и систематизации специфических черт речи диаспоры в последние годы сменяется стремлением к обобщению и рассмотрению зафиксированных особенностей с точки зрения более общих лингвистических проблем, таких, например, как вариативность языка, нормативность, характер номинации, прагматика, виды речевых жанров, дискурсивных практик и др. Настоящая статья является попыткой обобщить наблюдения разных авторов и обозначить намечающиеся направления дальнейших исследований. Подчеркнем, что сегодня существует множество публикаций на эту тему, которые далеко не все перечислены в списке литературы ниже, иначе последний был бы чрезмерно развернутым, по этой же причине в ссылках указаны не все работы, касающиеся конкретных вопросов.

Рассмотрение специфики русского языка в Эстонии предполагает хотя бы краткое описание того, в каких сферах и как используется сейчас русский язык в стране. В соответствии с действующим Законом о языке, принятом в 1995 году и неоднократно дополнявшимся, государственный язык Эстонии — эстонский, другие языки считаются иностранными. По данным последней переписи населения, по состоянию на 31.12.2011 года в стране проживало 321 198 русских, русским языком как родным пользовались 383 062 человека. Среди русских Эстонии примерно 37 500 так называемых старожилов, то есть потомственных граждан, чьи родители жили здесь еще до Второй мировой войны — во время первого периода существования самостоятельной Эстонской Республики. Большую же часть русского населения составляют люди, поселившиеся в стране после войны, или их потомки.

Среди старожилов примерно 3 тыс. человек живут в сельской местности и являются носителями говора [24]. Это преимущественно староверы Западного и Северного Причудья, а также Принаровья. На территории страны есть регионы компактного проживания русскоязычного населения: Ида-Вирумаа (северо-восточный регион Эстонии), Западное Причудье, некоторые районы Таллина, Тарту, Пярну, в остальной части страны русскоязычное население не проживает компактно.

По сравнению с советским периодом русский язык в Эстонии, разумеется, утратил ряд функций, однако он более или менее активно используется в таких областях, как СМИ, образование, культура, экономика, наука, официально-деловая сфера, бытовое общение. Подробно о распространенности русского языка в Эстонии говорится в находящейся в настоящее время в печати совместной работе автора настоящей статьи и И. П. Кюльмоя, материал которой с согласия авторов частично был представлен ранее в журнале «Слово.ру: балтийский акцент» С. Б. Евстратовой [8]. Говоря о СМИ, повторим, что сейчас на русском языке издаются две общегосударственные ежедневные газеты («Молодежь Эстонии» и «Postimees на русском языке»), несколько еженедельников («День за днем», «МК Эстония», «Вести», «Здоровье для всех», «Деловые ведомости» и др.), региональные газеты («Столица» (двуязычная), «Южная столица», «Северное побережье» (двуязычная), «Чудское побережье» (двуязычная), «Нарвская газета» и др.). В Таллине выходят двуязычные газеты пяти районов города [1]. Работают государственная программа радиовещания на русском языке «Радио 4» и частные радиоканалы («Русское радио», «Sky Radio» и др.). Государственных телеканалов на русском языке нет, но на эстонском государственном канале ETV2 есть ряд передач на русском, некоторые эстонские передачи снабжаются русскими субтитрами, кроме того, функционируют частные телеканалы на русском языке. Эстония охвачена системой спутникового телевидения с набором основных спутниковых телеканалов России (НТВ Мир, РЕН ТВ, РТР Планета, ТВЦ и проч.) и других стран на русском языке. Осуществляет вещание спутниковый общевосточный Первый Балтийский канал, основную часть которого составляют передачи российского Первого канала, дополненные общевосточными и латвийскими, эстонскими и литовскими передачами, транслируемыми на соответствующие страны. Эстония входит в число мировых лидеров по доступности и числу пользователей Интернета, и русскоязычное население имеет возможность получать местную информацию на русском языке, используя

русскую версию новостного портала «Делфи» (Delfi) и сайты русскоязычных газет. Разумеется, Интернет обеспечивает доступ к разнообразным российским, европейским и мировым СМИ.

Число общеобразовательных школ в Эстонии в последние годы сокращается в силу демографических причин, помимо этого русская школа претерпевает дополнительные изменения. По принятому еще в 1990-е годы закону с 2007 года начался переход (по одному предмету в год) гимназической ступени (10–12-й классы) на частичное (60 % предметов) обучение на эстонском языке. Так называемая основная школа (1–9-й классы) остается русскоязычной. При этом многие русскоязычные родители отдают детей в эстонские школы, мотивируя это необходимостью хорошо знать государственный язык. Речевые особенности таких детей-билингвов уже с конца 1990-х годов привлекают внимание специалистов [27; 28]. В то же время у других родителей и учеников перевод части предметов в русской гимназии на эстонский язык вызывает негативное отношение, и единства в оценке происходящего нет. Преподавание родного языка, в данном случае русского, разумеется, не переводится на другой язык, более того, по новой программе, которая действует сейчас, количество часов на этот предмет существенно возросло. Программы по родному (русскому) языку для основной школы и для гимназии, разработанные комиссией, в состав которой входили школьные учителя, преподаватели вузов, представители Министерства образования и науки, отражают современное состояние лингвистики, дидактики, методики преподавания.

В средних специальных и высших учебных заведениях большинство студентов обучается на эстонском языке, в меньшем объеме представлены русско- и англоязычные программы. Надо отметить, что многие, хотя и не все, русскоязычные молодые люди свободно владеют эстонским языком и еще одним иностранным языком, чаще английским. Кроме того, в высших учебных заведениях активно функционируют европейские программы обмена студентами и преподавателями, поэтому в вузовских аудиториях или, например, на улицах университетского города Тарту можно услышать не только эстонскую, русскую, английскую, но и немецкую, финскую, испанскую, итальянскую и другую речь.

Одним из аспектов функционирования русского языка в сфере образования является преподавание русского как иностранного. В этом качестве он пользуется популярностью среди студентов, в частности, потому, что работодатели довольно часто требуют от своих сотрудни-

ков знания русского языка. В общеобразовательных эстоноязычных школах РКИ занимает второе место после английского по числу изучающих его учеников.

Представлен русский язык и в культурной жизни страны, хотя, разумеется, не в полной мере. Выходят литературно-художественные журналы («Вышгород», «Таллинн»), в Таллине работает Русский драматический театр, в 2012 году открылся Русский музей, организуются экскурсии на русском языке в разных музеях страны, есть русская литература в библиотеках, проводятся летний праздник песни «Славянский венок», международный фестиваль древлеправославной культуры «Пейпус», фестиваль «Золотая маска в Эстонии» и т.д. Во многих регионах в школах и вузах есть русскоязычные самодеятельные коллективы. Финансовую поддержку мероприятиям часто оказывают Министерство культуры и фонд «Эстонский капитал культуры». В проходящих в Эстонии кинематографических, театральных, литературных фестивалях представлена и российская культура. Страну посещают с гастрольями известные российские театральные и музыкальные коллективы, а также отдельные исполнители, в различных фестивалях участвуют российские режиссеры, актеры, писатели, журналисты.

В меньшей степени русский язык представлен в официально-деловой сфере. Язык делопроизводства в стране — эстонский, но в органах местного самоуправления по Закону о языке внутреннее делопроизводство может вестись на языке национального меньшинства, проживающего в регионе, а судопроизводство и следственные действия могут осуществляться на том и другом языке — в зависимости от обстоятельств. Закон устанавливает и ряд иных наиболее общих правил, в повседневной практике разные официальные тексты часто сопровождаются русским переводом. Так, на государственном языке работают парламент (Рийгикогу), канцелярия президента и другие государственные учреждения. Соответственно, тексты законов, межгосударственных дипломатических и других документов пишутся на эстонском языке. Однако и русский язык здесь представлен, правда, в основном в виде переводных текстов на бумажных и электронных носителях. Например, есть варианты сайтов государственной власти на русском языке: <http://www.president.ee/ru> (президентский сайт); <http://www.riigikogu.ee/?lang=ru> (сайт парламента); <http://www.eesti.ee/rus/> (государственный портал), русскоязычные версии сайтов министерств, департаментов, Государственного суда, сайты некоторых уездов, городов, партий, организаций и т.д. При Департаменте полиции и погранохраны существует переводческое бюро, где при необходимости с русского на эстон-

ский или наоборот переводятся документы, непосредственно касающиеся граждан (протокол допроса потерпевшего, подозреваемого или свидетеля, заявления граждан и т. п.), штатными переводчиками, работающими в каждой префектуре полиции, в том числе устно.

Официально-деловой стиль на русском языке представлен в сфере услуг населению, оказываемых банками, энергопредприятиями, телекоммуникационными, транспортными, строительными, туристическими и другими фирмами, сетями магазинов и пр. В сфере бизнеса русский язык может быть как переводным, так и оригинальным, в зависимости от национальности владельца и сотрудников фирм. Наряду с эстонским и русским в международных компаниях используются и другие языки.

Разумеется, в бытовой, личной, профессиональной и других сферах русскоязычные жители пользуются родным языком, при этом регулярно соприкасаясь с эстонским. В повседневной жизни можно наблюдать самые причудливые переплетения языков. Стоит добавить, что сейчас, в существующей ситуации многоязычия во всем Евросоюзе, в том числе и в Эстонии, активно пропагандируется и поддерживается освоение разных языков. Конечно, есть и проблемы, конфликты, нерешенные вопросы, неоднозначно, порой болезненно воспринимаемые людьми.

Представленность русского языка в разных функциональных сферах, постоянное сосуществование двух, а порой и нескольких языков, упоминавшиеся выше политические, социальные, экономические, культурные, бытовые и иные реалии формировали и продолжают формировать специфику местного русского. Она выражается, например, в наличии или отсутствии ряда видов речевых / дискурсивных практик, обусловленных тем, насколько русский язык представлен в разных сферах, в характере использования латиницы, эстонских заимствований (варваризмов, калек), местных неологизмов, в семантической переориентации слов и словосочетаний [9], в активности образования некоторых типов словосочетаний, в строении и функционировании некоторых видов текстов и др. В обзорной статье невозможно отразить всю эту специфику, поэтому остановимся только на ее наиболее заметных чертах.

Начавшееся в 1990-е годы изучение языка русской диаспоры осуществляется на разнообразном материале: СМИ (газета, радио, телевидение, Интернет), реклама, тексты прикладного характера (буклеты, этикетки, программы мероприятий и т. п.), разговорная речь, сленг, официально-деловые тексты, диалектный материал, общение в

интернет-среде, мемуарная литература и др. В первую очередь, разумеется, привлекают внимание наиболее очевидные признаки влияния эстонского языка (и шире – ситуации двуязычия в целом), а именно *иноязычные вкрапления* в русской речи. Это явление неоднократно изучали разные исследователи, начиная с фиксации первых немногочисленных, затем частотных языковых вкраплений и заканчивая их анализом с точки зрения общих вопросов номинации, референции, прагматики, переключения кода и т. д. [1; 18; 19; 24; 25; 39]. В письменных текстах иноязычные слова часто передаются латиницей, использование которой обычно обусловлено необходимостью установления однозначной референтной соотнесенности языкового знака и реалии [18; 19]. В устной речи подобные включения представляют неизменные или грамматически частично русифицированные эстонизмы. *Дополнительные вопросы о вступающих в силу с 01.07.2009 изменениях в выплате компенсаций по нетрудоспособности можно задать Eesti Haigekassa по электронному адресу...* (сайт Министерства культуры); *Postimees на русском языке* (название газеты); *От границы до границы! Походная тропа RMK от Оанду до Икла – 370 км удивительно красивых видов природы Эстонии!* (рекламн.); *Фестиваль Klaaspärlimäng 2011* (афиша); *У нас сегодня коолитус (koolitus – курсы); Ну я не помню там... хунд (hind – цена); Да лепинг (lepping – договор) подписать надо* (разг. речь).

В местных русских говорах, по наблюдениям исследователей [30; 33; 35; 42], картина аналогичная. Использование отдельных слов из другого языка может рассматриваться как наиболее простое проявление так называемого переключения кода, в полной мере наблюдаемого при переходе в процессе общения с одного языка на другой, что характерно в условиях сосуществования языков. Следует отметить, что своеобразное переключение кода происходит и в ситуации общения с русскоговорящими из других стран, когда приходится избегать употребления специфических местных наименований, которые могут быть непонятны собеседнику.

К отличительным чертам языка диаспоры относится и распространенность заимствований, особенно, как показывает анализ материала, скрытых, обычно *калек* и *полукалек* эстонских сложных слов или словосочетаний. Порой эстонским языком они тоже были заимствованы, что в отдельных случаях привело к появлению в русском языке в России и Эстонии (или в других странах) одинаковых или близких к перенятым из третьего, например английского, языка названий, однако, как правило, проникших в русскую речь через язык-посредник (эстонский). Распространенность калькирования в «эстонском» русском обу-

слова формирования устойчивых атрибутивных словосочетаний-наименований: *личный код, материнская зарплата, основная школа, семейный врач, больничная касса, налоговый департамент, касса по безработице, физическое лицо-предприниматель, целевое учреждение* и др. Очень активно их образование и закрепление происходило в первый период восстановления самостоятельного эстонского государства, когда возникло множество новых политических, социальных, экономических, бытовых и иных реалий, не имевших названий ни в русском, ни в эстонском языках. Общественно-политические организации, государственные институты, социальные структуры обычно сначала получали наименования (оригинальные или заимствованные) на эстонском языке, которые затем переводились на русский. В сферах торговли, рекламы, туризма при переводе эстонских текстов также регулярно используются подобные кальки, однако здесь они реже становятся устойчивыми единицами, ср.: *дружелюбный к детям, обогреватель воздуха, вешалка из дерева, концертный дом, полотенце для кухни, ответственное предприятие, перчатки для работы, сушеные абрикосы* и т.д. Причины и характер образования и функционирования таких единиц частично описаны [14; 19; 31], но разнообразие конкретного материала, особенности использования калькированных единиц в текстах разных функциональных стилей, их трансформации в процессе освоения заимствований нуждаются в дальнейшем анализе, что в настоящее время и делается. В русских говорах Эстонии, в речи старожилов в целом заимствования относятся не только к последнему периоду, но являются и более давними. Свыше 400 заимствований, встречающихся в говорах, были рассмотрены в магистерской диссертации О. Н. Бурдаковой [2].

Охарактеризованные выше словосочетания-кальки демонстрируют специфику языка диаспоры не только в области *номинации*, но и в *синтаксисе*. Атрибутивные словосочетания в русском языке отличаются, как известно, вариативностью (ср.: *чердачная лестница / лестница на чердак; московский гость / гость из Москвы; молочный кувшин / кувшин для молока; клетчатая юбка / юбка в клетку*). Как свидетельствует анализ материала, в условиях диаспоры вариативность оказывается значимым фактором, влияющим, особенно при переводе, на появление словосочетаний, которые часто формально и семантически правильны, однако воспринимаются как не совсем русские (ср.: *вешалка из дерева / деревянная вешалка; перчатки для работы / рабочие перчатки; полотенце для кухни / кухонное полотенце*). Лексика, морфологическая форма, тип и средства синтаксической связи, выбираемые переводчиком, оказываются тем «слабым местом», в котором русский язык восприимчив к

иноязычному влиянию. Анализ других синтаксических единиц на местном материале свидетельствует о том, что в синтаксисе «диаспорная» специфика проявляется прежде всего в характере связи между словами, частями сложного предложения или текста. Надо иметь в виду, что разнообразные тексты на русском языке в Эстонии могут быть оригинальными или переводными, последние, как отмечалось выше, в некоторых сферах деятельности широко распространены. В первую очередь именно при переводе «страдают» характер и средства синтаксической связи, а многочисленность переводных текстов влияет на то, что появившиеся в них при переводе специфические признаки влияют и на русский язык оригинальных текстов. Кроме характера связи, разумеется, можно говорить и о некоторых других синтаксических (и шире – грамматических) особенностях, однако они наблюдаются не столь регулярно, поэтому необходим дальнейший сбор и анализ разнообразного материала, чтобы говорить о тенденциях общего характера, а не только лишь о частных случаях.

В настоящее время можно утверждать, что наиболее очевидна специфика языка, а лучше сказать, речи диаспоры в области *графики, лексики, синтаксиса*. Вместе с тем есть и «скрытые» их отличительные черты, которые не столь очевидны, их выявление требует анализа объемного и разнородного материала. В речевой деятельности в условиях диаспоры формируются черты, отражающиеся не в отдельных языковых единицах и их признаках, а в том, что можно в самом общем виде определить как коммуникативно-прагматический и когнитивный аспекты. Это, например, изменение, в сравнении с российской действительностью, каких-то видов дискурсивных практик, характер и средства выражения оценки, особенности установления референтной соотношенности, ориентация на двуязычного адресата, языковая рефлексия, пространственно-временная локализация и др. Анализ этих черт на местном материале представлен в ряде работ, однако частично описаны лишь отдельные явления [6–8; 12–17; 21; 31], поскольку они с трудом поддаются формализации, систематизации, тем более сложно «вычлениить» в них местную составляющую. В рамках одной статьи невозможно полно охарактеризовать все отмеченные проявления, поэтому далее будут в общем виде рассмотрены отдельные примеры. Это, думается, даст некоторое представление о том, что понимается под «скрытой» спецификой русской речи и речевого поведения в условиях диаспоры. С этой целью остановимся на языковой рефлексии, пространственно-временной локализации и речевых / дискурсивных практиках.

Как известно, *языковая рефлексия* — постоянная составляющая речи, находящая отражение, в частности, в так называемых рефлексивах — «относительно законченных метаязыковых высказываниях, содержащих комментарии к употребляемому слову или выражению» [3, с. 8]. Очевидно, в условиях сосуществования языков такая рефлексия актуализируется, так как для многих говорящих или пишущих регулярно она начинается уже с необходимости выбора языка (эстонский / русский) или более тщательного подбора языковых средств при общении с адресатами в разных коммуникативных условиях. Последнее необходимо тогда, например, когда говорящий по-русски человек не владеет эстонским и обращается к человеку, плохо знающему русский. Если говорящий хочет, чтобы его поняли, разумеется, он будет медленнее говорить, подбирать более «простые» слова, фразы и т. д. Такие ситуации — а они регулярны — становятся причиной повышенной языковой рефлексии, что, как можно предположить, ведет к появлению в речи большего количества рефлексивов. Это предположение подтверждают записи разговорной речи, результаты анализа которой изложены в работе [22], кратко резюмируемой ниже. Материалом для исследования послужили около четырех десятков записей спонтанной устной речи местных русскоговорящих жителей продолжительностью от 20 до 60 минут. Оказалось, что все без исключения записи содержат различные метаязыковые высказывания, выполняющие разные функции. Так как настоящая статья не посвящена метаязыковым высказываниям, отметим лишь, что среди последних было много таких, которые наиболее очевидным образом связаны с местной спецификой, то есть отражают ситуацию сосуществования языков. Содержание последних чаще всего следующее:

1. Затрагивается, комментируется, обсуждается ситуация сосуществования языков, например: *И я короче / пишу пишу там / потом опять начинаю / и он меняется / на какой-нибудь эстонский или английский /... Короче / такой бред выходит / что я пишу русскими буквами / эти / эстонские слова.*

2. Обсуждаются значения эстонских или других иноязычных слов, словосочетаний и соответствующих им русских единиц, например: *Б. Не видела таких / вкусный / вкусный пирог / А. Это не пирог / Б. Пирог / Видишь / написано «коок» / а это пирог / А. Ну мне кажется... это многозначное слово... и там / Б. «Коок» это пирог и все!*

3. Характеризуется чья-либо речь на каком-то из языков, например: *А. Я даже теперь знаешь / когда говорю / я начинаю переводить с эстонского на русский / Это так ужасно / так конструкцию предложения... В. Коряво... А. Да / коряво так получается.*

Многочисленные примеры такого рода свидетельствуют об активизации языковой рефлексии в условиях диаспоры, об осознаваемой людьми актуальности проблемы сосуществования языков.

Далее остановимся на *пространственно-временной локализации*, которая, как известно, является необходимым условием формирования коммуникативных единиц (предложения и текста) и, кроме того, параметром, базовым для человека во многих областях его жизнедеятельности, характеризующим не столько собственно речь, сколько «картину мира» носителей языка. Разумеется, основные средства (лексические, грамматические) обозначения и характеристики места и времени в речи диаспоры не отличаются от имеющих в русском языке в целом. Вместе с тем есть и явные элементы формирования своей «системы координат», говоря о которой, также ограничимся отдельными примерами.

Характеристику пространственно-временной локализации можно предварить широко известной и неоднократно приводившейся лингвистами фразой *Доброго времени суток!*, которая несколько лет назад стала регулярно использоваться в электронной переписке и СМИ, ориентированных на адресатов, находящихся в разных временных поясах и, добавим, в разных странах. Не фиксирующее конкретный момент приветствие свидетельствует о «размытости» этого параметра в виртуальном и реальном времени. В качестве примера, демонстрирующего местную специфику, рассмотрим новостной блок спутникового Первого Балтийского канала (ПБК) с центром в Латвии, вещающего на основе российского Первого канала на страны Балтии и состоящего преимущественно из телепередач российского канала и отдельных местных программ. Более подробный анализ этого материала ранее был представлен в отдельной статье [12].

Структура и содержание данного новостного блока ориентированы как на создание единого коммуникативного пространства, так и на отражение специфики аудиторий Латвии, Литвы и Эстонии. Общую первую часть блока заполняет российская программа «Время», далее после местной рекламной заставки следуют местные же новости, транслируемые на каждую из трех стран параллельно, в Эстонии это «Новости Эстонии». Вещание ведется из студии в Риге, оформление, звуковое сопровождение, логотип, подход к отбору и подаче информации во многом аналогичны российским. В результате формируется виртуальное пространство, которое можно охарактеризовать как «колеблющееся», не имеющее четких границ, с частичным «наложением» его участков. Основные структурные элементы этого пространства: Россия – страны Балтии (с «центром» в Риге) – каждая из стран в отдельности.

Экстралингвистически заданные параметры дополняются языковыми средствами дейктического характера, в частности, указывающими на пространственную локализацию (*здесь, у нас, у соседей, поблизости* и т.п.). Например, регулярно используемое в речи дикторов, находящихся в Риге, сочетание *наша страна* может относиться и к Латвии, и к Эстонии, и к Литве. В «Новостях Эстонии» слова диктора *соседняя Латвия, наши южные соседи* приобретают дополнительные коннотации (при условии, что адресат знает, откуда ведется вещание). Говоря о дикторах, следует отметить еще один экстралингвистический фактор: в условиях маленькой Эстонии работники телевидения (дикторы, ведущие, корреспонденты) всем более-менее известны, и незнакомые люди (дикторы) вносят некоторую долю отстраненности, отчужденности. Подобное восприятие подкрепляется языковыми особенностями: произношение дикторами местных эстонских топонимов (Кейла-Йые, Йыхви, Тоомпеа, Ласнамяэ, Ыйсмяэ) отличается некоторой искусственностью и не совпадает как с эстонским, так и с местным русским. Таково же произношение эстонских личных имен, названий партий, фирм, организаций, например: Ахто Ээсмья, Яак Йьерюйт, Юри Каськ, Пеэп Авиксоо, Рийгикогу, Исамаалит, Таллина Вэе. В результате формируется своеобразное соотношение «своего» и «чужого», влияющее на важнейший компонент прагматики – восприятие. Однако подобная условность все же вполне допустима и, как представляется, ее воздействие не оказывается существенным. Корреспондентами же являются «свои люди», что несколько нейтрализует отмеченную отстраненность. Таким образом, пространственная локализация, формируемая комплексом экстралингвистических и языковых средств, неоднозначна.

Говоря об отборе информации с точки зрения пространственной локализации, отметим, что в «Новостях Эстонии» большая часть материалов относится именно к Эстонии, однако некоторые репортажи освещают события в Латвии или Литве, иногда это происходит регулярно, порой эпизодически. Включение таких сюжетов способствует формированию единого коммуникативного пространства стран Балтии.

В меньшей степени местная специфика отражается во временной локализации, которая за время существования телеканала была несколько «упорядочена». Так, перед программой «Время» на экране появляется циферблат, на котором несколько лет назад выставлялось московское время, не совпадающее со временем в странах Балтии, в результате чего временные ориентиры, как и пространственные, оказывались размытыми. Сейчас на экране часы показывают местное время, однако в выпуске новостей регулярно фигурирует реальное московское время, что может приводить к двусмысленности.

Таким образом, на примере телевидения можно говорить о много-ступенчатости пространственно-временных координат, благодаря чему можно соотносить российское (и мировое в иных случаях), общебалтийское и местное пространство и время.

Специфика местной пространственно-временной локализации имеет и другие проявления, однако в рамках одной статьи невозможно рассмотреть множество примеров, поэтому приведем лишь еще один. Многие памятные даты, праздники, продолжительность определенных периодов жизни (отпуск по уходу за ребенком, обучение в школе, вузе, срок службы в армии, пенсионный возраст и т.п.), естественно, связаны с местными реалиями, часто отличающимися от российских. Ниже приведены примеры предложений, словосочетаний, слов из устной речи, СМИ, рекламы, официально-деловых текстов, имеющих эстонскую пространственно-временную специфику:

Поздравляем со всеми Рождествами и Новыми годами! (из поздравительной открытки); *Да это в эстонское время было; Это по российскому времени прибытие указано; О! Русский Новый год отмечают!* (разговорная речь); *Огни Яановой ночи зовут!* (реклама); *Наш северный / южный / восточный сосед; Отечественные товары пользуются спросом; Усиливающийся юго-восточный ветер принесет более холодную воздушную массу* (из СМИ); *основная школа (9 классов), гимназия (10–12-й классы), триместр, рождественские каникулы, бакалавриат (3 года), магистратура (2 года), докторантура (4 года), пенсионер (после 62–65 лет), срочная служба (8 месяцев)* и т.д.

Каждый пример, разумеется, требует анализа, который сейчас проводится не будет, так как цель статьи – общая характеристика особенностей речи диаспоры. В завершение остановимся еще на одном явлении – на различиях в *речевых / дискурсивных практиках*, регулярных для российской действительности и для Эстонии.

Новые дискурсивные практики, актуальные для современной России [4; 10; 11; 23; 29; 32], часто либо не имеют аналогов в условиях диаспоры, либо представлены фрагментарно. Например, транспорт, скамейки, лестницы и другие объекты окружающей среды как рекламные носители, билборды, используемые для размещения частных сообщений, русским языком в условиях Эстонии «охвачены» в значительной степени. В какой-то мере такой материал есть только в регионах со значительным или преимущественно русским населением. Спецификой диаспоры здесь становятся, скорее, не особенности речевого материала, а сам факт его наличия или отсутствия, а также степень распространенности. Так, если в России в современной коммуникации расширяются пространство игрового общения и спектр со-

путствующих этому приемов, то для языка в условиях диаспоры это менее характерно. Как показывает анализ разного материала [6; 7; 13; 15; 16; 17; 20; 21], общий эстонский фон более нейтрален, менее оценочен и субъективно окрашен, что влияет и на местный русский. Разумеется, игровое начало имеет место, особенно в некоторых сферах, однако не является яркой чертой местной русской речи. В то же время ее особенностью можно считать, например, обыгрывание самой ситуации сосуществования языков. Частный случай последнего – «незапланированная» языковая игра, возможная в ситуации, когда вызывают комический эффект или обыгрываются переводческие «ляпы», возникающие, к сожалению, регулярно и дающие богатую пищу для шуток. Следует подчеркнуть, что местные дискурсивные практики и их соотношение с российскими – актуальная область исследования.

Итак, речь диаспоры имеет как достаточно очевидные, формально выраженные особенности (слова, словосочетания, грамматические показатели), так и, напротив, менее очевидные, «растворенные» во множестве языковых средств (языковая рефлексия, время, место, характер речевых практик, оценка и т.п.). Первые легче не только обнаружить, проанализировать, но и изменить, «исправить», что часто и происходит в речи диаспоры, вторые же затрагивают не только языковые единицы, но и глубинные психологические, ценностные, когнитивные пласты языковой личности. Возможно, анализируя метаязыковую рефлекссию, пространственно-временную локализацию и аналогичные аспекты речи диаспоры, уместно оперировать понятием функционально-семантического поля. Такая специфика речи русской диаспоры Эстонии лишь начинает изучаться, и, думается, именно это направление в настоящее время наиболее перспективно.

Список литературы

1. *Адамсон И.* Динамические процессы в лексике таллиннских газет на русском языке (на примере двуязычных изданий) // *Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика.* Тарту, 2009. XII : Активные процессы в русском языке метрополии и диаспоры.
2. *Бурдакова О.* Прибалтийско-финские заимствования в русских говорах Причудья : дис. ... *magister artium* по русскому языку. Тарту, 1998.
3. *Вепрева И. Т.* Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М., 2005.
4. *Высоцкая И. В.* «Свое» и «чужое», или Взаимодействие кириллицы и латиницы в современном рекламном тексте // *Лингвистика. Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского.* 2010. №4 (2).
5. *Дуличенко А. Д.* Русский язык в постсоветской Прибалтике: проект социолингвистического исследования // *Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика (новая серия).* Тарту, 2002. VI : Проблемы языка диаспоры.

6. *Евстратова С.Б.* Языковые средства выражения оценочности в газетных заголовках (на материале русского и эстонского языков) // Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика (новая серия). 2001. V : Русский язык: система и функционирование.
7. *Ее же.* Экспрессивная лексика в русскоязычной прессе Эстонии // Там же. 2002. VI : Проблемы языка диаспоры.
8. *Ее же.* Использование русского языка в средствах массовой коммуникации Эстонии // Слово.ру: балтийский акцент. 2012. №2.
9. *Зеленин А.* Язык русской эмигрантской прессы (1919–1939). СПб., 2007.
10. *Иссерс О.С.* Новые дискурсивные практики в современной России // *Humaniora: Lingua Russica.* Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Тарту, 2009. XII : Активные процессы в русском языке метрополии и диаспоры.
11. *Ее же.* Речевое воздействие. М., 2009.
12. *Костанди Е.И.* Прагматика новостного дискурса // Взаимодействие языков и языковых единиц: русский язык в культурно-коммуникативном пространстве новой Европы. Рига, 2005. Вып. 1.
13. *Ее же.* Отличительные особенности языка современной русской прессы Эстонии // *Scientific Papers University of Latvia. Slavonic Traditions of the Baltic area.* 2006. 707.
14. *Ее же.* Прагматика перевода атрибутивных словосочетаний // *La lengua y literatura rusa en el espacio educativo internacional: estado actual y perspectivas.* Sankt-Peterburg ; Granada, 2007.
15. *Ее же.* Оценочный компонент в устных рассказах староверов Причудья // *Humaniora: Lingua Russica.* Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Тарту, 2007. X : Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. II.
16. *Ее же.* Оценочная лексика в устных рассказах староверов Западного Причудья: слово – текст – культура // Слово и текст в культурном сознании эпохи. Вологда, 2008. Ч. 2.
17. *Ее же.* Аксиологический компонент разговорной речи // *Humaniora: Lingua Russica.* Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Тарту, 2008. XI : Язык в функционально-прагматическом аспекте.
18. *Ее же.* Роль прагматических факторов в формировании особенностей речи диаспоры // Там же. 2009. XII : Активные процессы в русском языке метрополии и диаспоры.
19. *Ее же.* К вопросу о роли прагматических факторов в формировании специфики языка диаспоры // *Русистика и современность : сб. науч. ст.* Рига, 2011.
20. *Ее же.* Textoобразующая функция оценки (речь жителей острова Пийриссаар) // *Acta Slavica Estonica.* Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Тарту, 2012. XV : Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. III.
21. *Ее же.* Реклама в условиях диаспоры: проблемы перевода // Текст, культура, перевод : сб. ст. по матер. междунар. конф. 23–25 мая 2012 года. Рига, 2012.

22. Костанди Е.И. Метаязыковые единицы в разговорной речи диаспоры // Scientific Papers University of Latvia. Linguistics. 772. 2012.
23. Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. М., 2009.
24. Кюльмоя И.П. Специфические черты языка русской диаспоры Эстонии // Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика (новая серия). Тарту, 2000. III : Язык диаспоры: проблемы и перспективы.
25. Ее же. Речь русской диаспоры Эстонии: тенденции развития // Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Тарту, 2009. XII : Активные процессы в русском языке метрополии и диаспоры.
26. Моисеенко И. М., Замковая Н. В. Статус русского языка в Эстонии и проблемы, связанные с его преподаванием // Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика (новая серия). Тарту, 2002. VI : Проблемы языка диаспоры.
27. Их же. Затруднения в словообразовании и в словоупотреблении в речи учащихся-билингвов // Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Тарту, 2009. XII : Активные процессы в русском языке метрополии и диаспоры.
28. Их же. Типичные ошибки в письменной речи учащихся-билингвов, получающих образование на эстонском языке // Язык и культура. Вып. 12. Киев, 2010.
29. Новоженова З.Л. Русский язык в новых дискурсивных пространствах: реклама... божественного // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2008. Вып. 8.
30. Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. I. Тарту, 2004.
31. Паликова О. Н. Русский язык в рекламных каталогах Эстонии // Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Тарту, 2009. XII : Активные процессы в русском языке метрополии и диаспоры.
32. Ремчукова Е. Н. Лингвокреативность рекламного слогана // Там же. 2011. XIV : Развитие и вариативность языка в современном мире. II.
33. Ровнова О. Г., Кюльмоя И. П. Говоры староверов в современной Эстонии // Русские старообрядцы: язык, культура, история. М., 2008.
34. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика (новая серия). Тарту, 2000. III : Язык диаспоры: проблемы и перспективы.
35. Там же. IV : Русские староверы за рубежом.
36. Там же. 2002. VI : Проблемы языка диаспоры.
37. Туровская С. Н. Русский язык в странах рассеяния: в поисках ориентиров // Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика (новая серия). Тарту, 2002. VI : Проблемы языка диаспоры.
38. Щаднева В. П. О месте и лингвистических особенностях русских официально-деловых текстов в языковой ситуации современной Эстонии // Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Тарту, 2009. XII : Активные процессы в русском языке метрополии и диаспоры.

39. Щаднева В.П. Характеристика современного эстонско-русского перевода утилитарных официально-деловых текстов // Русистика и современность : сб. науч. ст. Рига, 2011.

40. *Acta Slavica Estonica*. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Тарту, 2012. XV : Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. III.

41. *Язык диаспоры. Проблемы и перспективы* : матер. III междунар. семинара. Рига 3—5 февраля 2000 г. М., 2000.

42. *Humaniora: Lingua Russica*. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Тарту, 2007. X : Очерки по истории и культуре староверов Эстонии. II.

43. *Там же*. 2009. XII : Активные процессы в русском языке метрополии и диаспоры.

Jelizaveta Kostandi

THE RUSSIAN LANGUAGE IN MODERN ESTONIA: FUNCTIONING, LEARNING, FEATURES

This article summarises the observations of different authors about the modern condition of the Russian language in Estonia, outlines the emerging areas of research on the use of the Russian language and the features of language policy. The features of diaspora speech are described from the perspective of words and phrases, grammar indicators, language reflection, time, place, features of speech practices, and evaluations. The author considers the influence of language situation on the basic psychological, value-related, and cognitive layers of the linguistic personality.

Key words: *Russian language, sociolinguistics, language policy, language of diaspora, language contacts.*